

ОГЛАВЛЕНИЕ

Плейлист.....	5
Пролог.....	6
Часть I. Огни Аэнора.....	19
Глава 1. Эрик.....	20
Глава 2. Людвиг.....	30
Глава 3. Лорианна.....	42
Глава 4. Эрик.....	54
Глава 5. Людвиг.....	64
Глава 6. Лорианна.....	75
Глава 7. Эрик.....	84
Глава 8. Людвиг.....	95
Глава 9. Лорианна.....	107
Глава 10. Эрик.....	117
Глава 11. Людвиг.....	129
Глава 12. Лорианна.....	141
Глава 13. Людвиг.....	155
Глава 14. Лорианна.....	168
Глава 15. Эрик.....	180
Глава 16. Людвиг.....	192
Часть II. Призрачная башня.....	205
Глава 17. Лорианна.....	206
Глава 18. Эрик.....	220
Глава 19. Лорианна.....	234
Глава 20. Эрик.....	246
Глава 21. Людвиг.....	258
Глава 22. Эрик.....	270
Глава 23. Людвиг.....	283
Глава 24. Лорианна.....	298
Глава 25. Эрик.....	311
Глава 26. Людвиг.....	321
Глава 27. Лорианна.....	333
Глава 28. Эрик.....	343
Глава 29. Лорианна.....	357
Глава 30. Людвиг.....	369
Глава 31. Людвиг.....	381
Глава 32. Эрик.....	393
Эпилог.....	406
Благодарности.....	414

ПЛЕЙЛИСТ

- Temen Oblak – «Dark Clouds»—
Christopher Tin
- Viasna, dzie buvata – Hvarna
- An Hini A Garan – Denez Prigent
- Ready For The Storm – Deanta
- Forna Kväden – Hindarfjäll
- Í Tokuni – Eivør
- Awoken – Peyton Parrish
- Trollabundin – Eivør
- La Source – Dernière Volonté
- Villeman Og Magnhild – Spiritual Seasons
- Naranča – Мирина
- Media Vita – Anúna, Michael McGlynn
- Ríu Ríu – Anúna, Michael McGlynn,
Andrew Redmond
- Aghni Parthene/ – Divna Ljubojevic
Агни Парфене
- Stendur æva – Sigur Rós
- Bóstwa – Żywiołak
- Loki – Gealdýr
- Le Renard Et La Belette – Laïs
- Before the Storm – Eldrvak, Munknörr
- Bonden Og Kraka – Spiritual Seasons

ПРОЛОГ

Десять лет назад

Несмотря на шестилетний возраст, одно Людвиг знал наверняка: чудесное исцеление бывает лишь в сказках. В жизни единственное избавление от мучений — смерть.

Зачем мама их сюда затащила? Хотела спасти? Никто не спасает калек. Калек сажают в Дома отверженных, где до конца своей жалкой жизни они молятся и ходят под себя. Такая судьба ждала его и Люцика, если верить словам Лилиан. И, хотя старший братец часто любил пугать близнецов дурацкими выдумками, в такое мрачное будущее Людвиг почему-то верил и сразу расплакался — уж слишком серьезен был Лил.

В тот день их скромное убежище, спрятанное в глубине гор Син-Син, наполняло странное волнение. Впервые за несколько дней, что они находились в обители червопклонников, этих любителей кормить землю людской плотью, Людвиг видел так много послушников в оранжевых робах, толпящихся в узком дворе общины. Мама, казалось, тоже была сама не своя: то сидела на узкой койке и сосредоточенно думала о чем-то, то принималась причесывать и умыть их с Люциком, как будто готовила к какому-то важному приему. Лилиан, замерший у окна, взирал на это с тревогой.

Все то время, что их семья, — вернее, ее большая часть, — находилась в общине, Людвиг ощущал себя голодным. В замке он привык к мясу и птице каждый день, к сладким

булочкам на полдник, к абрикосовому варенью, тонким слоем намазанному на хрустящую гренку. А здесь приходилось питаться только черствым хлебом и молоком, как какие-нибудь бедняки. И зачем мама привела их сюда, ничего не сказав отцу? Неужели дело было в их с Люциком болезни? Но ни Лилиан, ни мама не хотели отвечать на этот, казалось бы, безобидный вопрос.

Старший брат недолюбливал их с Люциком и часто глумился над близнецами: мог ткнуть кулаком или подсунуть в постель жука-кусальщика. Люцик сразу начинал горестно плакать и звать Йоханну, Людвиг же пытался отомстить Лилиану тем же. Правда, когда ты искалечен и у тебя нет рук, сделать это сложновато.

Лилу недавно исполнилось двенадцать, и он считал себя старшим мужчиной после отца, поэтому ему позволялось больше, чем остальным. Парень просто встал с места и направился к низкой деревянной двери.

— Ты куда? — Мама удивленно захлопала ресницами, но не стала его останавливать. — За нами скоро должны прийти!

— Достало! — просто ответил Лил, и Людвиг позавидовал его решимости. Вот бы и он был таким бесстрашным. — Мы сидим в четырех стенах уже несколько дней. Я больше и часу не выдержу с этими плаксами.

— Я не плакса! — захныкал Люцик. — Сам ты плакса! Вигги, скажи ему!

— Пусть идет, — вмешался Людвиг, подражая нагловатой манере брата. — Хотя бы дерьмом пахнуть перестанет.

— Повтори, что сказал, мелкий! — Зеленые глаза Лилиана опасно блеснули.

— Ты слышал, что я сказал, придурок! — Вигги ухмыльнулся, показывая, что вовсе не боится гнева старшего. При матери тот вряд ли что-то ему сделает, правда? — Или у тебя в ушах тоже застряли какашки?

— Хватит, вы оба! — взвизгнула мама, и задиры поморщились. Этот визг был самым страшным ее оружием. — Лилиан и Людвиг де Гродийяр! Что за манеры?! Вы будущие графы или уличные бандиты?! Еще раз я услышу подобное из ваших уст, заставлю рот мыть со щелоком, поняли меня?!

Лилиан бросил на Людвига злобный взгляд под названием «Ты пожалеешь, мелкий», после чего тот показал ему

язык. И вообще, он ведь первым начал обзывать. Лил всегда начинает первым, а потом злится, как получает ответ. Он что, вправду думает, что Вигги с Люциком будут спокойно терпеть все оскорбления? Нет уж, дудки! Когда Людвиг вырастет, он обязательно ему все припомнит. Каждую шишку, каждого жука, каждый чертов испуг! Припомнит и заставит расплатиться!

Если болезнь не заберет его прежде...

Лириан вышел, громко хлопнув дверью. Мама лишь горестно вздохнула и принялась в очередной раз поглаживать Люцику голову. Он не сопротивлялся, скромно сидел в своем катальном кресле и сжимал в руке деревянную лошадку. В это мгновение Вигги ощутил укол зависти: «Ну что за несправедливость?! Почему у Люцика онемели ноги, а у Людвиг — руки, почему не наоборот?!» Он все бы отдал, чтобы еще раз — хотя бы на мгновение! — ощутить все выщерблины этой деревяшки, вновь самому держать ложку или дать Лириану кулаком в живот!

— Он нарочно вас дразнит, — процедила мать, расстилая на ладони светлые волосы Люцика, чтобы привести в порядок кончики. Несмотря на то, что брату не нравилось очередное расчесывание, он покорно терпел: не хотел сильнее расстраивать маму. Он слыл ее любимчиком и казался самым добродушным из всех де Гродийяров. Отец почти все свободное время проводил с Лорианной, готовя старшую дочь на должность главы Королевской Канцелярии, так что трое братцев остались не у дел. Были ли стычки Лириана и Людвиг следствием обиды на свою судьбу — об этом юный виконт задумался гораздо позже.

— Людвиг, дорогой, сколько раз я тебе говорила: хватит отвечать грубостью на грубость! Если ты в шесть лет уже такой вспыльчивый, что с тобой будет дальше? Ты должен научиться смирению! Только благодаря ему голова остается холодной, а сердце — храбрым.

— Я не хочу ни холодную голову, ни храброе сердце, — прошипел Вигги и уселся на койку, забившись в угол и спрятав лицо, чтобы мама не видела накативших на глаза слез. — Я руки хочу!..

— Сынок, именно поэтому мы здесь, — серьезно отозвалась мама и перестала трепать Люцика за волосы. — Эти люди поклоняются другому богу и помогут вас излечить. Ваш отец был против, но я не могла больше смотреть на мучения моих любимых мальчиков! Руки вернутся к тебе, Людвиг, если ты будешь делать все, что тебе говорит достопочтенный Ур-Кха.

— И мои ноги тоже? — с надеждой спросил брат и недоверчиво посмотрел на свои тощие безжизненные ноги.

У него в голове, как и у Людвига, не укладывалось, как этот странный бритый мужчина в оранжевом капюшоне может им помочь.

— Конечно, Люциан, — с болью в голосе отозвалась мама. — Сегодня день церемонии, они обещали, что возьмут вас...

— А когда можно будет покушать? — не унимался Людвиг, в животе у которого поднималось голодное урчание.

— Ур-Кха запретил принимать пищу до церемонии, — пояснила мама, однако было заметно, что ее терпение уже на исходе. — После я вас накормлю, обещаю.

— Мама, я хочу в уборную! — попросился Люцик.

— Альхор Всемогущий, ну где же Лилиан?!

Пока они были здесь без слуг, старший брат помогал близнецам со всеми «мужскими» делами, а сейчас его не было, и эти обязанности легли на мать.

— Еще немного, и я сойду с ума!

— Мама, мне очень надо!

— Мама, и мне надо! — поддержал брата Людвиг, у которого тоже вдруг загудело внизу живота. — Мама, можно я первый?!

— Где Лилиан, когда он так нужен?! — вскричала мама, потеряв терпение. Помочь обоим сразу не представлялось возможным: отхожее ведро было только одно. — Ну что мне с вами, обалдуями, делать?!

Разумеется, первым на горшок она посадила Люцика. От обиды Людвиг написал в штаны, из-за чего в крохотной келье, в которой единственным источником свежего воздуха служило маленькое окошко под потолком, гадко запахло теплой мочой. Мама в гневе завизжала и принялась лупить Людвига по голой заднице, прекрасно зная, что тот обмочился нарочно.

Именно в таком виде их и застали: Люцик без штанов — на отхожем ведре, растопырив бесчувственные ноги, а Вигги — на руках у матери. Лицо Ур-Кха не дрогнуло, он даже не поморщился. Таков он был, главный жрец крешников, единственный, кто мог их исцелить.

Всю дорогу до церемониального зала они молчали, по-нуриив головы. Мама то ли не успела, то ли не захотела переодеть Людвига, из-за чего на самое главное событие в своей жизни он шел в насквозь мокрых штанах.

Коридор, вырезанный в скалах, был таким узким, что двоим в нем не разойтись. Колесное кресло Люцика сразу же застряло между стенами из желтоватого известняка. Тогда мама взяла немощное тело сына и понесла на руках. Люциан, крайне довольный таким поворотом, обнял шею матери и заулыбался.

Людвигу же приходилось семенить позади. Он очень злился на брата и даже подумывал в голос расплакаться, чтобы и его понесли. В такие мгновения он особенно остро чувствовал себя никому не нужным.

Коридор все тянулся и тянулся, извиваясь, будто змея. Вигги порядком устал, да и мокрая ткань штанов неприятно липла к телу. Его бесчувственные руки мама сложила на груди и обвязала платком, чтобы не болтались, а сверху накинула кожаную куртку. Она всегда так его одевала, когда не хотела, чтобы окружающие видели немощь сына, ведь теперь он казался обычным ребенком, наказанным за любознательность: по хашмирским обычаям таким узлом заворачивали руки излишне шаловливым детям.

Когда они достигли медных ворот, украшенных резьбой, Людвиг уже порядком выдохся и едва волочил ноги. Интересно, куда подевался Лириан? Неужели он не будет присутствовать на их ритуале? С одной стороны, даже хорошо: его проклятая рожа — последнее, что он хотел бы видеть. У брата будет меньше поводов поглумиться.

— Перед тем как войти, вы должны кое-что узнать, — повернулся к ним Ур-Кха. Его глаза со зрачками, отливающи-

ми странной космической голубизной, не моргали. — Великая не любит, когда на нее пялятся. Поклонитесь ей и не поднимайте голов.

— Людвиг, Люциан, вам все ясно? — строго спросила мама. Близнецы кивнули.

— О господин! — воскликнула она. — Мы так вам благодарны, мы...

Жрец поднял руку, заставляя мать замолчать.

— Когда Великая говорит, нельзя перебивать ее, — продолжил он. — Если она что-то просит, нужно выполнять это немедленно.

— Разумеется, господин, мы все поняли. — Мама почтительно поклонилась, хотя с Люциком на руках это было не так-то просто, они уже большие мальчишки. — Мы сделаем все, что она скажет.

— И пусть младший снимет штаны, от него дурно пахнет. — Жрец указал взглядом на Людвига.

— Я старший, — буркнул тот. — И штаны я снимать не буду. Раз Великая каждый день терпит вашу вонь, потерпит и мою.

— Людвиг! — Мать посмотрела на него испепеляющим взглядом. — Еще одно слово, и...

— ...И ты отправишь меня к Йоханне. Да, мама, — ухмыльнулся Вигги, обрадованный тем, что смог задеть ее. — Только вот Йоханны тут нет. Она осталась в Аэноре, помнишь?

— Простите моего нерадивого сына! — Мама снова склонилась перед жрецом, чем еще больше разозлила Людвига.

Их отец — Лорд-Канцлер! Какого черта она раскланивается перед простолудином?! Тем более крешником!

— Его язык длиннее, чем река Фолке, а нрав круче отвесных скал Айзен!..

Жрец скупно улыбнулся и повернул свою бритую голову к Людвигу. На его безбородом лице застыло снисходительное выражение, будто он умилялся жуку, ползущему по ремешку его сандалии. Людвиг хотел съязвить, да не смог придумать слов.

— Жизнь научит тебя быть послушным, малыш, — наконец молвил жрец и отвернулся, чтобы открыть ворота.

От его взгляда по спине пробежали мурашки.

Ворота распахнулись, и на Людвиг пахнуло ароматами свечного воска и благовоний. Высокая зала, представшая перед ними, освещалась сотнями свечей, расставленных в выемках стен. Каменный пол, отполированный сотнями подошв, тускло отражал оранжевые огоньки и оранжевые робы червопоклонников, сидящих на коленях и прильнувших к нему в глубоком поклоне. Вздымались лишь острые капюшоны, укрывающие лица этих странных молчаливых людей, превозносивших древнего бога.

Сперва Людвиг подумал, что они склонились перед ним, и даже выпятил грудь от удовольствия. Лишь когда они вошли, он увидел женщину. Что это с ней? Как будто кожу содрали и осталось лишь мясо!.. Нет, это всего лишь красная краска или... или кровь. Брр, как же мерзко!

— О Великая, я привел к тебе смиренных! — торжественно произнес Ур-Кха.

Старуха, валяжно восседающая на сотне золотых подушек, поднялась. Она была совершенно голой, и ее большие отвисшие груди напоминали бурдюки. От их вида Людвиг прошиб пот.

На голове Великой был надет немес — платок, завязанный особым узлом позади, с длинными фалдами, которые лежали на плечах. Платок от падения удерживал серебряный обруч. Людвиг уже видел такой немес раньше — в книжках с мифами Нефера. Именно такой платок когда-то носил Альхор под своей тиарой. Почему на женщине такой же? Что, возомнила себя древним богом?

Словно прочитав его мысли, женщина улыбнулась и сняла повязку. Бледные, будто ослепшие глаза, не мигая, смотрели на Людвиг и его мать, держащую на руках Люцика. Братья переглянулись:

«Вигги, что тут происходит? Зачем мама привела нас сюда?»

«Не знаю, Люцик. Мне это не нравится».

«Мне тоже. Когда можно будет вернуться к папе?»

«Я не знаю. Но папе это тоже не понравится».

Люциан лишь покачал головой. Он не смог бы убежать, даже если бы очень захотел.

